

В. И. Вернадский. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 С.

Эта книга, изданная к 125-летию со дня рождения В. И. Вернадского, представляет собой сборник в основном последних его исследовательских изысканий. Она во многом необычна не только как юбилейная, увидевшая свет в год, объявленный ЮНЕСКО «Годом Вернадского», но прежде всего в силу того, что впервые в книгу были подобраны такие работы, в которых нашли отражение не только научные идеи, но и мировоззрение, гражданская позиция, философское кредо и даже личные переживания ученого.

Такая объединяющая тематическая направленность — представить всю глубину «философских мыслей натуралиста», — по-видимому, и определила позицию редакционной коллегии в подборе материалов для публикации. В сборнике три раздела. В первый раздел включены уже ставшие широко известными такие работы, как «Научная мысль как планетное явление»; во второй — серии очерков под общим названием «Пространство и время в неживой и живой природе»; в третий — мало известные и не публиковавшиеся ранее фрагменты незавершенных работ, выдержки из дневников и писем, наброски речей и докладов, объединенные под заголовком «Заметки разных лет по философии и социальным вопросам». В приложении наряду с обзорными статьями Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова, С. Р. Микулинского, А. Л. Яншина о жизни и научном творчестве В. И. Вернадского помещена одна из его, пожалуй, самых оригинальных тезисных работ — статья «Несколько слов о ноосфере». Еще одной особенностью данного издания является то, что в первые два раздела включены работы, примерно, последнего 20-летия научной деятельности, а третий раздел начинается с публикации записок 80-х годов XIX в. и заканчивается выдержкой из письма от 21 июля 1943 г. Таким образом, книга охватывает весь творческий научный путь В. И. Вернадского.

Вряд ли здесь уместно излагать основные положения, идеи или научные сомнения В. И. Вернадского, которые в изобилии можно обнаружить в различных работах, собранных в данной книге. Как вряд ли уместно и вступать в полемику, с чем-то соглашаться или на что-то указывать как на явно устаревшее или противоречащее современному уровню познания. Мысли В. И. Вернадского надо изу-

чать ответственно, не увлекаясь, тем более не канонизируя их, как и не впадая в научные амбиции. Сколько уже раз его высказывания, вначале не понимаемые и потому не принимаемые или «в лучшем случае» не замечаемые современниками (даже и в наше время), подтверждали право на свое существование, углубление и развитие! И сколько еще россыпей его гениальных озарений или просто гипотетических и потому пока проблематичных заявок на новые открытия (в изучении проблем биосферы, человека, разума, научной мысли, этики, демократии) ждут своих исследователей и подтверждений!

Но вот о чем, пожалуй, следует сказать особо, так это о поражающем воображение разнообразии интересов В. И. Вернадского и о его страстном желании скрупулезно, с позиций естествознания и вместе с тем с воистину философским осмыслением (его можно отнести к представителям стихийного материализма) разбираться в любом вопросе, над разрешением которого он работал. Заинтересованный читатель может проследить, как в нем, в постоянном стремлении к истине борется бестрастный и где-то педантичный естествоиспытатель и чувствующий, переживающий, сомневающийся и доверчивый мыслитель-мудрец. Это постоянное нащупывание связей естествознания с философией — характерная черта научного творчества В. И. Вернадского. И это поучительный пример для организации и результативности современного научного поиска.

Надо сказать, что и сами вопросы заставляли В. И. Вернадского идти по пути, как теперь говорят, их системного, комплексного анализа. Так он исследовал, например, называемые вечными вопросы: достижима ли гармония между природой и человеческим обществом; какова роль разума, научной мысли, труда человека в геологической истории планеты («Научная мысль как планетное явление»). С другой стороны, его интересовали традиционно изучаемые специальными науками вопросы симметрии и диссимметрии, противоречия «строения пространства-времени» (серия очерков «Пространство и время в неживой и живой природе»). Изучал он и такие, которые уже, что называется, «витали в воздухе» науки, но еще не были ни сформулированы, ни тем более осмыслены. Или, наконец, такие, которые впервые в науке ставил пытливым ум ученого.

Последние два вида вопросов, а они чаще всего и занимали В. И. Вернадского, по суще-

ству расставлены по всей книге. Это и вопрос о том, что собой представляет ноосфера: теоретическую иллюзию или качественно новое планетное явление в геологической истории Земли и человечества? Это и вопрос о проявлении времени в геохимических и биогеохимических процессах, который в настоящее время, в ходе развития теории самоорганизации, изучается как проблема темпоральности. Это и вопросы об этике ученого в эпоху, когда деятельность человека в биосфере стала глобальной «геологической силой»; о планетном (глобальном), как теперь стали говорить, мышлении; о роли неформальных научных организаций в демократизации общества и в ноосферизации социально-природного взаимодействия; «о соотношении естествознания и философии».

Список можно продолжить и далее, но, пожалуй, и приведенного вполне достаточно, чтобы убедиться, во-первых, в том, насколько они актуальны и еще слабо изучены поныне, и, во-вторых, в том, что, несмотря на начавшееся активное изучение наследия В. И. Вернадского и историками науки, и естествоиспытателями, и философами, пока еще в этом направлении сделаны первые, во многом еще робкие шаги. Это замечание в основном относится к представителям отечественной науки. Для зарубежных ученых (как об этом, например, красноречиво свидетельствовал международный симпозиум «Человек и биосфера: история и современность» — Пушкино, март 1989 г.) труды В. И. Вернадского еще мало доступны (из-за отсутствия современных переводов) и потому мало изучаемы.

Да и у отечественного вернадоведения масса нерешенных проблем, часть из которых отражает данная книга. Возьмем, например, проблему типографских отточий. Несмотря на то, что, по сравнению с изданиями 1975 и 1977 гг., в данной книге разделы «Научная мысль как планетное явление», «Пространство и время в неживой и живой природе» были намного меньше подвержены редакторским купюрам, но они еще имеются в изобилии — достаточно бегло просмотреть тексты. Это замечание уместно и для третьего раздела, где отдельные работы представлены в виде фрагментов («Этика», «Социализм и научная мысль»). А в таком усеченном виде вряд ли корректно относиться к наследию В. И. Вернадского, как вряд ли можно изучать его идеи

и непредвзято, и с пользой для развития науки.

Или взять такую проблему, как полное (академическое) издание трудов В. И. Вернадского. Несомненно, на этом пути сделано уже много, но это пока лишь все же малая и не столь, как того теперь требуют обстоятельства, интенсивно организованная подготовительная работа. И публикация данной книги также тому яркое подтверждение: третий раздел, например, скопирован так, что во многом нарушена логика построения публикаций в нем. Кроме того, создается впечатление, что материал в раздел набирался по принципу «с бора по сосенке». В «Примечаниях» же книги вообще отсутствует информация о третьем разделе. Наконец, в данной книге, отнесенной к разделу научных изданий, предметный указатель выглядит довольно бедным, а именного указателя просто нет. Не умаляя целесообразности публикации в «Приложениях» обзорных работ известных отечественных ученых, многое делающих для пропаганды и развития идей В. И. Вернадского с позиций своей области науки, полагаем, было бы уместным здесь же или подготовить обзор, или привести список публикаций, в том числе диссертационных работ, в которых в настоящее время анализируются, углубляются, а то и обретают новое звучание концепции, положения и выводы ученого, названного «Ломоносовым XX столетия». Это, с одной стороны, отражало бы уровень советского вернадоведения более широко и многопланово, с другой — давало бы возможность иметь оперативную библиографическую информацию. Повидимому, как часто у нас бывает, подготовку издания ускоряли к юбилею и — где еще до сих пор умышленно (в случае с имеющими место редакторскими купюрами), а где все — были допущены приводимые выше издательские огрехи и библиографические просчеты.

Хочется надеяться, что в будущем, при переиздании сборника, — а в этом уже сейчас есть необходимость (книга тиражом 20 тыс. экземпляров разошлась молниеносно), — указанные недостатки не будут иметь места. И тогда научной общественности, как отечественной, так и зарубежной, представится возможность изучать наследие В. И. Вернадского в полном объеме, и прежде всего по подлинникам.

В. Н. Барякин (Запорожье)

В. К. Рах и л и н. Общество и живая природа. Краткий очерк истории взаимодействия. М.: Наука, 1989. 213 с.

Человек — существо странное (и избалованное!). Странное, ибо спохватывается лишь тогда, когда содеянное им самим подводит его почти вплотную к общеземной, общечеловеческой трагедии, для предотвращения которой

приходится платить человеческими жизнями, прилагать немалые усилия и затраты. Почему человек так упорно не хочет представлять себе возможных последствий своих деяний? Отчасти потому, что они в основном растянуты во времени и мало заметны, отчасти от избалованности тоже: «мир велик и богат» и «на всех хватит»... Ну а если и возникает иногда где-либо на задворках сознания тревожная мысль, то вступают в действие своего рода «предохранители» типа «авось обойдется», «и не такое было», «а план важнее»... Мы слишком долго жили в царстве